

изъ Мессины педантически пересказывалъ (въ 1272—87 годахъ) латинской прозой, будто серьезную исторію, *Roman de Troie Benoît de St. Maure*, другіе сюжеты спускались на площадь; такъ прелестный романъ о *Floire и Blanceflor*, сохранившій намъ содержаніе какого-то утраченнаго византійскаго, сталъ итальянской народной поэмой, которую въ пору Боккаччо сказывали въ неаполитанскихъ кружкахъ.

И эти французскія вліянія постепенно поглощены были итальянской средой. Въ XV вѣкѣ, при аррагонцахъ, анжуйская династія ощущается какъ своя, національная, къ ней питаютъ лойяльныя чувства, но уже къ концу царствованія Карла II французскій элементъ рѣдѣетъ въ придворныхъ кружкахъ, вмѣсто того показываются итальянскіе имена, между ними много флорентійскихъ, не родовитыхъ. Политическія связи съ Флоренціей упрочивались финансовою зависимостью анжуйскаго двора отъ флорентійскихъ банкировъ, отъ такихъ торговыхъ домовъ, каковы Барди, Аччяйоли, Перуцци, Фрескобальди, Буондельмонти, Скали и др. Не только южно-итальянская торговля переходитъ въ ихъ руки, но они являются и въ должностяхъ: они королевскіе казначеи, плательщики, сборщики и откупщики податей, бьютъ монету, получаютъ угоды и рыцарское званіе, управляютъ провинціями, играютъ роль при дворѣ и вліяютъ на политику. За ними потянулась въ Неаполь цѣлая колонія флорентійцевъ: купцы, ремесленники, переписчики рукописей, профессора, художники, скоморохи. Все это приготовило литературное вліяніе Тосканы и объясняетъ въ юношескихъ произведеніяхъ Боккаччо пристрастіе къ французскимъ сюжетамъ и законченность итальянской рѣчи.

IV.

Послѣ Фридриха II и сына его Манфреда, на которыхъ какъ бы лежитъ печать новаго времени, первые Анжуй отзываются тѣмъ то болѣе средневѣковымъ, архаичнымъ, отсталымъ

по отношенію къ окружавшему ихъ обществу¹⁾. Карлъ I-й, мрачный, чуждается веселья, жонглеровъ и менестрелей, погруженъ въ страхи и честолюбивые планы, обнимавшіе, вмѣстѣ съ отторженной Сициліей, и Константинополь и Тунисъ; онъ умный администраторъ, не гнушавшійся крутыми средствами, лишь бы упрочить свой родъ. Карлъ II, по крайней мѣрѣ въ первую половину своей жизни, святоша и строитель церквей. Литературное преданіе предыдущаго періода держится и при нихъ: тѣ-же переводчики съ арабскаго и греческаго, вродѣ Павла Неофида и Никколо изъ Реджьо, справщики, миниатюристы; переводятся, главнымъ образомъ, медицинскія труды. Оба короля великіе строители: въ ихъ рукахъ поднимается, обстраиваясь съ каждымъ поколѣніемъ, дворецъ Капельнуово, гдѣ пребываетъ дворъ, а вокругъ него вырастаетъ, рядомъ съ старымъ Неаполемъ, съ его грязью и стѣнами, монастырями и переулками, новый просторный городъ дворцовъ, съ широкими садами и улицами и новымъ портомъ: аристократическій кварталъ, средоточіе политической и элегантной жизни, въ которомъ пришлось вращаться Боккаччо.

Когда онъ пріѣхалъ въ Неаполь, тамъ царствовалъ (съ 1309 г.) король Робертъ; онъ стоитъ уже въ сферѣ Боккаччо и съ нимъ стоитъ ближе познакомиться.

Робертъ извѣстенъ намъ въ двоякой оцѣнкѣ современниковъ и ближайшаго къ нему поколѣнія. Панегиристы прозывали его мудрецомъ, источникомъ правосудія, покровителемъ наукъ, божественнымъ; «Тобою, Господи, славный король Робертъ покоряетъ великія царства, расточаетъ свирѣпыхъ япуловъ»,—говоритъ о немъ неизвѣстный авторъ одной латинской поэмы (*Liber de Theleutologio*); напоенный Тобою, онъ обращаетъ Твои полно-

1) См. для слѣдующаго отдѣла: Giuseppe De Blasis, *Le case dei principi Angioini nella piazza di Castelnuovo* (Napoli, 1887); Palumbo, *Dell'influenza di re Roberto di Angiò nella letteratura italiana* (Napoli, 1887); Siragusa, *L'ingegno, il sapere e gl'intendimenti di Roberto d'Angiò* (Torino-Palermo, 1891); мою статью: Король Книжочій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, № 10.

водныя струи въ подвластные Тебѣ народы... и вкушаетъ отъ чаши реторики»¹⁾. Другіе отгѣняли въ немъ черту скупости, трусости, даже жестокости, смѣялись надъ его учеными вождельніями и страстью назидать, которую подчеркнулъ Данте²⁾. Петрарка³⁾ и Боккаччо стоятъ на сторонѣ панегиристовъ; что бы не говорили о Робертѣ, онъ былъ образованнѣйшій, нравственнѣйшій король, любитель книгъ, умѣвшій покровительствовать достойнымъ людямъ, повторяетъ за ними Бенвенуто изъ Имолы, обращая въ похвалу ироническій отзывъ Данте⁴⁾. Петрарка нашелъ даже возможнымъ признать въ Робертѣ «мужество Ромула»⁵⁾, храбрость на войнѣ⁶⁾; но это дѣло реторики; писатели, настроенные болѣе страстно и партійно, взводили на него вину пораженія гвельфской партіи при Монтекатини: Робертъ перенесетъ этотъ уронъ и переваритъ стыдъ, поетъ одна анонимная баллада⁷⁾, а вы гвельфы, сдѣлайте, какъ онъ: покайтесь и простите⁸⁾; ему не править Апуліей, Абруццами и Калабрией, пусть позабудетъ о Провансѣ и востокѣ, а сидитъ себѣ въ Неаполѣ или Аверсѣ или Капуѣ, и сказываетъ свои проповѣди и часы⁹⁾. — Боккаччо намекаетъ именемъ Мидаса¹⁰⁾ на его скаредность, о которой говорятъ и Данте¹¹⁾, и Джьованни Виллани¹²⁾, и Файтинелли¹³⁾, и упомянутая выше баллада; въ общемъ, онъ сохранилъ о немъ лучшія воспоминанія¹⁴⁾, опредѣлившія отчасти

1) Bandini, Catal. Bibl. laur. I, p. XIII, c. XVI, p. 180.

2) Parad. VIII, 145 слѣд.

3) Ad. post.; Fam. I, 1; IV, 2, 7; V, 1; XII, 7; XXIII, 17; Sen. X, 5; Africa 19—20; Epist. poet. l. I, 1 (къ Барбату), 4 (Dionysio de Burgo Sepulcro S.), 18 (Roberto regi siculo); II, 1, 6—11, 16; Ecl. II, X; Rer. mem. I, 1, 8; I, II, 26; III, III, 65.

4) Benv. de Imola ed. Lacaita IV, 493.

5) Fam. III, 7.

6) Egregius bello, въ эпитафій Роберту.

7) Rime di Cino da Pistoia e d'altri ed. Carducci, стр. 606.

8) Folgore da San Geminiano, ed. Navone, XXXII.

9) Pietro Faytinelli, ed. Del Prete, стр. 75.

10) Ameto, стр. 142 и VIII-я эклога.

11) Parad. VIII, 82—3.

12) XII, 9.

13) I. c., стр. 87.

14) Сл. Gen. Deor. XIV, 9 и passim.

его политическія симпатіи: онъ останется навсегда враждебнымъ идеалу римской имперіи германскаго народа, который лелѣялъ Данте, къ которому порой склонялся и Петрарка, и царствованіе Роберта будетъ для него типомъ золотаго вѣка.

Если выдѣлить въ противоположныхъ отзывахъ о королѣ Робертѣ долю страстной оцѣнки партіи, какую приносили съ собою гибеллински-настроенный Данте и гвельфъ Виллани, то причину репутаціи выяснитъ легко. Ловкій, но мелочный политикъ, Робертъ съумѣлъ воспользоваться гвельфской идеей и поддержкой папъ, и орудуя средствами договора, навязаннаго протектората и казоваго намѣстничества, сталъ самымъ сильнымъ по вліянію гвельфскимъ властителемъ Италіи. Казалось, еще одинъ шагъ, и осуществится идея италіанскаго королевства, которое прогнать послѣднія тѣни гибеллинства, покончивъ съ неурядицей городовъ и тиранній. Уже Петрарка называлъ Роберта королемъ Италіи ¹⁾; «пошли къ намъ сына твоего Роберта, вѣнчаннаго на италійское царство», взывалъ къ папѣ Николò деи Росси изъ Тревизо въ одномъ изъ своихъ политическихъ сое- товъ, а авторъ (*Convenevole da Prato*?) латинской поэмы въ похвалу Роберту (*O fulgor regum, rex docte, Roberteque legum*) звалъ его царить надъ латинами и міромъ. На это у Роберта не хватало ни широты взгляда, ни мужества, но идея объединенной Италіи носилась въ воздухѣ, озаряя того, отъ кого ждали ея осуществленія.

Робертъ былъ не блестящихъ дарованій, въ юности ему съ трудомъ дались правила грамматики ²⁾, но онъ взялъ выдержкой и сталъ впослѣдствіи великимъ книгочіемъ средневѣковаго, благодушно-педаггическаго пошиба. Молодость, до восемнадцати лѣтъ, онъ провелъ во Франціи и Каталоніи, въ качествѣ заложника, и его школа была, по необходимости, средневѣковая, не итальянская; педантическая складка, кажется, ему прирождена. Онъ любилъ науку, смутно понималъ ея новыя требованія — и выгоды меце-

1) Sen. X, 2; сл. Fam. III, 7.

2) Gen. Deor. I. XIV, с. 9.

натства, но на то и другое тратился въ мѣру: скопидомъ, отъ котораго ожидали расточительности; при всемъ томъ онъ съумѣлъ стяжать и поддержать славу философа, богослова, даже медика, физика и астролога, что совершенно въ духѣ средневѣковой энциклопедіи. Днемъ или ночью, гулялъ онъ или сидѣлъ, книги всегда были при немъ; онъ ихъ дѣятельно собираетъ, покупаетъ у Петра изъ Мантуи хроники Роберта Гвискара, платитъ за экземпляръ «*Sogrus Jugis*» до 3500 итальянскихъ лиръ, держитъ переписчиковъ и переводчиковъ съ еврейскаго и арабскаго. Его библіотека, составленная главнымъ образомъ послѣ 1330 года, наполнена сочиненіями богословскаго, аскетическаго, юридическаго и медицинскаго содержанія; изъ классиковъ — Сенека, Ливій «о македонской войнѣ» и, можетъ быть, нѣсколько другихъ. Сборники лирическихъ пѣснь трубадуровъ отвѣчали вкусамъ двора, который могъ любоваться во дворцѣ изображеніями девяти легендарныхъ паладиновъ средневѣковаго романа, вдохновившими какого то безыменнаго стихотворца къ соответствующему количеству сонетовъ; самъ король интересовался другими вопросами и въ ихъ сферѣ кичился своей наукой: любилъ пофилософствовать, вдуматься, священнодѣйствуя силлогизмомъ и различая, цитуя библію и св. отцевъ рядомъ съ Аристотелемъ и Сенекой; въ этомъ смыслѣ одинъ изъ его приближенныхъ, Никколò д'Алифе, могъ говорить, уже послѣ его смерти, о крохахъ, подобранныхъ имъ отъ стола королевской учености. Петрарка изобразилъ его въ одномъ изъ своихъ стихотворныхъ посланій¹⁾ — еще по слухамъ, но типъ едва ли не схваченъ вѣрно: король пріѣхалъ изъ Авиньона въ Воклюзъ, его свита гуляетъ, ищетъ развлеченій; онъ одинъ серьезенъ, потупилъ глаза; кто знаетъ, онъ можетъ быть, ставить себѣ вопросы: какая сила созвѣздіи вызвала стремительность рѣки; проникаетъ умственнымъ взоромъ въ пропасть, куда исчезаютъ ея воды; раздумался о тайномъ водительство судьбы, о сицильянскихъ дѣлахъ.

1) Epist. poet. I, 4.

Его научные интересы и связи были разнообразны. Извѣстный Егидій Колонна посвятилъ ему свой трудъ «*in secundum sententiarum*» Петра Ломбарда, не только потому, что его приводила въ изумленіе способность короля отъ чувственнаго и видимаго восходить къ пониманію невидимаго и божественнаго, но и съ цѣлью, чтобы Робертъ просмотрѣлъ и исправилъ его произведеніе, а читатель, снисходительнѣе отнесся къ его опущеніямъ и восхвалилъ Бога—и монарха за раскрытія въ немъ истины. Толкованіе минорита Маігон на книги Діонисія Ареопагита предпринято по желанію Роберта, «свѣтлѣйшую душу котораго такъ осіяла высота истинной мудрости, что, по справедливости, онъ можетъ быть названъ не только славнымъ правителемъ, но и настоящимъ философомъ». Ему, тогда еще принцу калабрійскому, посвященъ полу-алхимическій, полу-философскій трактатъ *De essentiis essentialium*, извѣстный Арнольдъ de Villanova обращается къ нему съ своимъ посланіемъ объ алхиміи, Дино дель Гарбо съ толкованіемъ на каноны Авиценны, Matthaeus Salvaticus Montanus изъ Салерно составляетъ для него свой *Liber pandectarum medicinarum*, дабы онъ исправилъ его, ибо своими медицинскими познаніями онъ превосходитъ всѣхъ властителей міра. Астрологія также входила въ кругъ его занятій, и его близость съ Діонисіемъ da Borgo San Sepolcro объясняется отчасти общностью ихъ интересовъ.

Робертъ наивно входилъ въ роль всезнающаго философа, которую уготовили ему панегиристы: терпѣливо слушаетъ, когда авторы читаютъ ему свои произведенія, поощряетъ ихъ, говоря, что учась, и поучая, человекъ становится мудрѣе, мѣшается въ богословскіе споры, подвергаетъ испытанію Петрарку, рекомендуетъ медицинскому факультету въ Салерно одного профессора, ибо самъ онъ убѣдился въ его теоретическихъ и практическихъ познаніяхъ. Челядь и приживателей у Аччяйюли угощали мясомъ опоросившейся свиньи и старыми голубями, пережаренными или полусырыми, ибо, по ученію короля Роберта, это лучше для питанія, подсмѣивается Боккаччо.

Въ 1338 году, въ одно прекрасное утро, Петрарка, тогда еще не бывшій на верху своей славы и лично не знакомый съ королемъ, получилъ отъ него въ Воклюзѣ коротенькое посланіе; при немъ была эпитафія, сочиненная Робертомъ для своей племянницы Клемансы, бывшей замужемъ за французскимъ королемъ Людовикомъ X. Петрарка былъ польщенъ. «Необычайный свѣтъ ослѣпилъ мои глаза, отвѣчаетъ онъ королю; блаженно перо, начертавшее эти строки. Не знаю, чему удивляться: изумительной-ли точности и возвышенности мысли, либо божественному изяществу стиха. Я никогда не повѣрилъ бы, знаменитый властитель, чтобъ столь великое содержаніе можно было выразить въ столь немногихъ, полныхъ достоинства и простоты, словахъ. Въ доказательство того, что ты по своему желанію обращаешь ключи къ человѣческому сердцу—къ чему стремятся самыя знаменитые ораторы, ты такъ возбуждаешь чувство читателя, что, не будучи въ состояніи противиться тебѣ, покорный твоему слову, онъ влекомъ, куда ты ни пожелаешь». Самого Петрарку чтеніе эпитафіи увлекало то къ печальнымъ, то къ радостнымъ мыслямъ, отъ идеи смерти къ безсмертію, и все это исходило изъ одного источника; никогда еще сила краснорѣчія не представилась ему столь великою. Петрарка пользуется случаемъ поговорить объ идеѣ безсмертія у древнихъ, но затѣмъ останавливаетъ себя: «Какой же я неразумный? Кому я все это говорю? Не только величайшему изъ нашихъ властителей, но царю надъ философами». Твоя Клеманса не умерла, она живетъ блаженной жизнью на небѣ, тобою на землѣ; ея вѣчность двоякая: «одна отъ царя небеснаго, другая отъ земнаго, одна отъ Бога, другая отъ Роберта». Ея имя будетъ жить вѣчно, потому что будетъ вѣчна и эпитафія; многіе пожелали бы умереть раньше срока, лишь бы удостоиться такой похвалы, и, вздыхая, повторяютъ слова Александра Македонскаго объ Ахиллѣ: счастливъ ты, обрѣтшій столь славнаго глашатая, написавшаго о тебѣ столь великое»¹⁾).

1) Fam. IV, 8.

Этотъ выпрепный отзывъ, внушенный не столько лестью, сколько неумѣреннымъ энтузіазмомъ слова, отличающимъ плеяду первыхъ гуманистовъ, можетъ служить показателемъ всѣхъ остальныхъ о Робертѣ «философѣ». Самъ Робертъ признавался впослѣдствіи, что, до встрѣчи съ Петраркой не понималъ поэзіи, въ Virgilii его интересовала репутація мага; онъ поощрялъ Петрарку разыскать вторую декаду Ливія ¹⁾, просилъ посвятить ему «Африку», но стиль его собственныхъ проповѣдей и богословскаго трактата схоластическій, лишенный всякой граціи. Его классическія чтенія не выходили изъ общей средневѣковой нормы: классики читались не для нихъ самихъ и не въ цѣломъ, что и дало впослѣдствіи возможность освоиться съ ихъ міросозерцаніемъ и въ немъ найти матеріалъ для критики фактовъ въ частности, а для постороннихъ цѣлей и вразбродъ. Искали цитаты, красивыхъ фразъ, вѣскихъ изреченій, прикрытыхъ какимъ-нибудь громкимъ именемъ классическаго, или и не классическаго пошиба; эта грань не чувствовалась вовсе, окутанная туманомъ баснословія; прилежно читали Валерія Максима: Робертъ ссылается на него въ своемъ трактатѣ объ апостольской нищетѣ ²⁾, Діонисій da Borgo San Sepolcro пишетъ къ нему обстоятельныя поясненія.

Ученый типъ Діонисія, приближеннаго королемъ Робертомъ, даетъ понятіе и объ образовательномъ цензѣ послѣдняго. Монахъ Августинскаго ордена, профессоръ богословія и философія парижскаго университета, Діонисій занимается астрологіей — и комментируетъ классиковъ (кроме Валерія Максима — Метаморфозы Овидія, Virgilii и Сенеку), Политику Аристотеля — и посланія ап. Павла ³⁾, и его дружба съ Петраркой, эпитеты: «блестящаго питомца музъ», «высокопарнаго глашатая Аполлона»,

1) De Rem. I, 2.

2) De paupertate gentilium et philosophorum. . . . Valerius lib. 9, cap. 3; de hac paupertate antiquorum plura habentur folia in Valerio Maximo l. 4, c. 9. Сл. Siragusa, l. с., Appendice, стр. XVI, XVII.

3) Tiraboschi, Storia d. letterat. italiana (Modena), V, стр. 107 слѣд.

«цвѣта поэтовъ»¹⁾ не говоритъ еще за его симпатіи къ новымъ теченіямъ гуманистической мысли. Петрарка, сблизившійся съ нимъ, вѣроятно, въ Парижѣ, въ 1333 году, искалъ у него утѣшенія и совѣта въ борьбѣ съ своей страстью, просилъ молитвъ²⁾; Боккаччо говоритъ о немъ, какъ объ отцѣ и учителѣ³⁾, но на этотъ титулъ онъ не скупится⁴⁾, да и учительство Діонисія могло быть лишь кратковременнымъ: вызванный ко двору Роберта въ 1339 году, онъ въ томъ же году поставленъ былъ епископомъ монопольскимъ.

Его отчетъ объ источникахъ своего комментарія къ Валерію интересовъ своей череполосойцей; таковы могли быть и чтенія Роберта. Это цѣлая библіотека: классики въ разбивку съ отцами церкви, Ливій бокъ-о-бокъ съ бл. Августиномъ, Ювеналь съ безвѣстнымъ Евстаѳіемъ, исторіи объ Александрѣ и какія-то аѳинскія и испанскія хроники⁵⁾.

1) Epist. poet. I, 18.

2) Fam. IV, 1; сл. Sen. XV (XIV), 7.

3) Corazzini, стр. 18.

4) Сл. I. с. стр. 349 (письмо къ Пьетро ди Монтефорте).

5) Цитую по ркп. библіотеки св. Марка въ Венеціи, Zan. lat. DXXVI (1896 г.), справляясь съ cod. CLXXVII вѣнской библ. у Endlicher, Catal. Cod. philologicorum lat. Bibl. Palat. Vindobonensis, стр. 85 (ркп. XV в.): Hoc autem (т. е. комментарий) facere nullatenus potuissem nisi gesta Romanorum et (ac) alienigenarum per antiquos autores diversis in locis narrata sedulo perlegissem (consulissem), qui quod ipse Valerius breviter, diffuse narrant ac prolixo, quos ideo hic annotare curavi, ut operi certior fides detur. Nec labor videtur inanis tantorum testimonio comprobatus. Sunt autem praedicti autores quos me necessarie oportuit intueri: Titus Livius principaliter et egregii doctores Augustinus, Gregorius, Ambrosius et Ieronimus, quorum dicta, maxime Augustini libro de Civitate Dei et Ieronimi in Cronicis et Epistolis fuerunt plerumque necessaria, quamquam etiam (et) de Biblia et (a) magistro historiarum ac etiam de Decreto et de Iohanne Crisostomo aliqua prae (pro) maiori declaratione propositi sunt accepta. Praeterea hic inserta asserta (accepta) sunt de Ugone libro de sacramentis, de Ysidoro libro Ethimologiarum, de Papia, de Ugutione, de Prisciano, de Iosepho libro historiarum antiquarum, de Orosio, de Lactantio, de Macrobio de Somnio Scipionis, de Policrato, de Suetonio, de Boetio, de Sedulio, de Cassiodoro libro Variarum, de Seneca, de Tullio, de Platone, de Aristotile, de Averrois, de Avicenna libro naturalium, de Varrone, de Iure civili, de Vegetio, de Solino, de Plinio, de Frontino, de Vita Philosophorum, de Rhetorica Gualfredi (Grilli), de Compoto (Conputo), de Fabio historiographo (historico), de Salustio, de Paulo Lo-

Характеръ комментарія историческій, вещественный и этимологическій; *ludi circenses* названы, напимѣръ, потому, *quia in circum eundo enses positi erant, unde ex una parte erant enses, ex alia parte aqua, in medio via, immo circenses quasi circa enses*¹⁾; либо объясняется *Emphyares*: sic dictus ab *epu*, quod est super, et premens, eo quod suo pondere gravare videtur dormientem et suffocare. Istud autem in aliquo ydiomate vocatur *Salvanellus*

gobardorum historiographo, de Iustino et Lutio (Julio) Floro. Fuit autem necessarium poetas inspicere, sicut (scilicet) Virgilium, Lucanum, Horatium, Persium, Ovidium, Juvenalem, Eustachium (Eustrachium) Venusinum, qui sub nomine poetæ introducitur et Plautus Italiae nominatur, Julium Celsum et ejus poetriam (Julium Cæsarem et ejus poetam), Statium et Alexandri historiam tam metricè quom prosaice scriptam. Insuper oportuit cronicas intueri, videlicet cronicam Elinandi, cronicam Atheniensium, Hispanorum et Gallorum ac etiam annalia Romanorum, quorum autor non habetur, (et) cronicam Petri Viterbensis que Pantheon appellatur et (ac) plures alios rerum gestarum et particularium narratores.

Нѣсколько замѣчаній къ тексту: вмѣсто Юлія Цезаря, что еще Петрарка и Боккаччо приписывали первому комментарію второго: но что такое poetria или poeta? — Подъ стихотворными и прозаическими повѣстями объ Александрѣ можно имѣть въ виду поэму Qualichinus изъ Сполето и Юлія Валерія, либо Historia de Praeliis. Интереснѣе ссылка на Евстаѳіа Венузинскаго: разумѣется, вѣроятно, неизвѣстный (nescio quem) Боккаччо, Евстаѳій, котораго онъ цитуетъ со словъ Паоло изъ Перуджии (Gen. Deor. VII, 41). Діонисій (I. c. л. 23 recto c. 1) приводитъ его похвалу Таренту (по поводу Val. Max. I. II, c. II, § 3: Relatis Q. Fabii landibus... Tarentina civitas), de qua poeta dicit:

Delitiis vulgata suis sit nota per orbem
Bino cincta mari, fertilitatis humus,
Emulus hic Rome situs imbellisque notatus,
Fertilis urbsque mari divitiosa suo.
Vitibus hic variis multis frondescit olivis,
Diversis pomis, ficibus atque piris,
Pratis et silvis uberrima fert numerosa
Nec armenta, greges et genus omne fere.
Inde Ceres, bombyx, sal, quicquid fertile
Cultu terra parit cunctis delitiosa cibus.
Quis numerare queat pisces maris, ostrea, tunnos,
Auratas cephalos piscis et omne genus?

Евстаѳій былъ (родомъ?) изъ Венеты въ Апулію; изъ Венеты же и Riccardus judex Venusinus, авторъ «De Paulino et Polla libellus», посвященнаго Фридриху II-му.

1) I. c. л. 5 обор., столб. 2.

(Salvanel сѣверно-италианскихъ повѣрій), unde multi dicunt quod Pan, i. e. diabolus, hominem dormientem premeus accipit ¹⁾).

Въ кружкахъ, среди которыхъ образовались Петрарка и Боккаччьо, любопытно пристрастіе къ такому именно компендію анекдотовъ и летучихъ словъ, какъ сборникъ Валерія Максима. Это характеризуетъ уровень спроса на познаніе классической древности. Но популярность сборника продолжалась и позже. Бенвенуто изъ Имолы вернулся къ толкованію Валерія съ ссылками на трудъ Діонисія и критикой его; Боккаччьо черпаетъ у Валерія свѣдѣнія для біографій философовъ и великихъ женщинъ; въ концѣ XIV вѣка кто-то еще читаетъ комментарий Діонисія, но полуобрѣзанная глосса на поляхъ показываетъ, что ему уже извѣстны труды Боккаччьо: знай, что по баснословнымъ рассказамъ поэтовъ у Юпитера было нѣсколько женъ, говорилось въ древнемъ комментарий; читатель отмѣтилъ сбоку: была у него одна жена Юнона, остальные наложницы — teste Iohanne Vossacio ²⁾. Интересъ къ памятнику держится и въ ту пору, когда вкусъ къ компендіямъ и цитатамъ уже уступилъ мѣсто болѣе серьезному интересу къ древности и связному чтенію классиковъ, и Петрарка счелъ нужнымъ протестовать противъ общаго увлеченія ³⁾.

Робертъ стоитъ еще въ порѣ компендій и цитатъ. Его литературныя наклонности обнаружались рано: по одному документу отъ 27 Іюля 1310 г. писцу Стефану было заплачено за переписку «Mogalia» короля Роберта. Что такое были эти Mogalia — мы не знаемъ; Роберту приписывали одно время стихотворный трактатъ о нравственныхъ добродѣтеляхъ (Trattato delle virtù mogali), но его авторомъ оказался Граціоло деи Бамбаджоли (род. ок. 1291 † ок. 1343) ⁴⁾, нотариусъ и канцлеръ болонской коммуны, одинъ изъ древнѣйшихъ комментаторовъ дантовскаго

1) l. c. x. 14 обор., столб. 1.

2) l. c. x. 6 обор., столб. 1.

3) Fam. IV, 15.

4) Сл. Frati, Giorn. Storico d. letter. italiana, fasc. 50—51, стр. 301 слѣд.

Ада (1324). Отношенія Бамбаджьоли къ кружку Роберта исчерпываются, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что трактатъ о нравственныхъ добродѣтеляхъ посвященъ одному изъ вліятельныхъ лицъ анжуйскаго двора, Бертрану del Balzo; латинскій комментарий, которымъ Бамбаджьоли сопровождалъ свои стихотворенія, говоритъ о какомъ-то еще третьемъ лицѣ, авторѣ, и что самый комментарий написанъ по приказанію¹⁾. Разумѣется, это не даетъ намъ права разумѣть въ томъ «авторѣ» Роберта; впрочемъ, и его неизвѣстныя намъ *Mogalia*, можетъ быть, также мало принадлежать ему, какъ и приписанныя ему *Dicta et opiniones philosophorum*, ходящія съ именемъ еще другого итальянскаго переводчика, Іоанна съ Прочиды²⁾. Оригиналъ этихъ *Dicta*, краткихъ жизнеописаній, перемѣшанныхъ съ апофтегмами, арабскій. Рядъ именъ: Гомеръ и Солонъ въ сосѣдствѣ съ св. Григоріемъ, Александромъ Великимъ, Седекіей, Гермесомъ (*Hermes Tac*), очевидно, Трисмегистомъ; далѣе: *Zalon*, *Balion*, *Leginon*, *Avesius*, *Mascargis*, *Thesilus* и др. Сообщаются баснословныя біографическія свѣдѣнія, этимологія имени, затѣмъ изреченія, иногда портреты; Гомеръ, напр., былъ хорошаго роста, красивый собою, блѣдный, съ большой головой и узкими плечами; видъ у него былъ серьезный, на лицѣ знаки оспы, и былъ онъ многорѣчивъ³⁾.

Но главнымъ показателемъ вкусовъ Роберта являются его *sermones*: какъ бы рядъ концептовъ, набросанныхъ начерно, съ подборомъ, въ соответствующихъ мѣстахъ, изреченій и выдержекъ, взятыхъ отовсюду и укладывающихся, какъ пестрый матеріалъ, въ одно и то же діалектическое зданіе, полное дѣлений и подраздѣленій, ссылокъ и умозаключеній. *Sermones* были спеціальной слабостью короля: это были проповѣди, назиданія,

1) *Non simpliciter sed violenta electione quod amodo ex auctoris arbitrio processerunt*. Ca. Siragusa, l. c. стр. 37, прим. 1 и 2.

2) Knust, *Mittheilungen aus dem Escorial* (Bibliothek des litt. Vereins in Stuttgart № CXLI), стр. 568, 654—5; ркп. Marc., Zan. lat. VI, CXLIV, N.

3) *Erat bonae magnitudinis, pulcre formae, remissi coloris, magni capitis et strictus inter humeros, habens gravem aspectum et in facie signa variolarum; et erat multorum verborum*.

нѣчто въ родѣ учительныхъ словъ и офиціозныхъ политическихъ манифестовъ. Произносились онѣ по разнымъ поводамъ, но всегда съ священнымъ текстомъ, какъ точкой отправленія. Такъ, въ 1323 году король произнесъ проповѣдь по случаю канонизаціи Ѳомы Аквинскаго ¹⁾, въ другой разъ говорилъ экспромтомъ о св. Андреѣ; либо это рѣчь по поводу возведенія кого-нибудь въ достоинство доктора, или обращеніе къ синдикамъ о необходимости субсидій для веденія войны, либо увѣщательное посланіе къ флорентинцамъ, когда въ 1333 году ихъ постигло наводненіе. Текстомъ для рѣчи по случаю заключенія мира между нимъ и генуэзцами взяты слова Св. Писанія: Слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Ходъ проповѣди изображается графически, діалектически разобрано, по рубрикамъ, понятіе мира съ ссылками на Саллюстія и какую-то *propositio de causis* — и внушеніемъ, что миръ не возможенъ безъ королевскаго ока (*sine regali providentia*), что въ государствѣ подобаетъ властвовать одному, ибо, по слову евангелія, всякое царство, раздѣлившееся въ самомъ себѣ, запустѣетъ (Лук. XI, 17) и одинъ лишь царь всего сущаго — «по послѣднему слову философа въ книгѣ о метафизикѣ». Если въ этомъ словѣ начитанность Роберта служитъ политикѣ, въ другихъ случаяхъ — риторическимъ цѣлямъ: толкуя напр. 2-е посланіе ап. Павла къ Тимоѳею 4, 11, король даетъ видимо серьезное значеніе созвучіямъ *Lucas* и *lux*, различая три рода свѣта: вещественный, какъ бы погруженный въ вещество, которымъ свѣтятся нѣкоторые черви, рыба чешуя и гнилое дерево; это — низшій свѣтъ, видимый лишь ночью; второй — стихійный (пламя свѣчи и т. д.), третій — небесный, заимствованный (какъ, на примѣръ, у луны), либо исконный (солнце). Эта троичность переносится затѣмъ на тройственный свѣтъ: этики, политики и теорики; первый сіяетъ въ достойныхъ людяхъ, второй въ лицахъ духовныхъ, третій въ ученыхъ. Все это — по поводу созвучія *Lucas* и *lux*, но предпочтеніе ученыхъ интересно: знакъ времени — и самосознанія.

1) Riv. di filologia romanza I, 245.

Учительное пристрастіе короля дѣйствовало заразительно, его придворные пустились въ тотъ-же литературный родъ, и съ именемъ Бартоломея изъ Капуи, великаго протонотарія неаполитанскаго королевства, сохранилось 27 такихъ же назидательныхъ рѣчей. Извѣстно, какъ язвительно посмѣялся Дантъ надъ этой королевской слабостью, назвавъ Роберта «королемъ отъ назиданій»; самая форма назиданій была тогда популярна: рѣчь Заноби да Страда, которую Боккаччо не только читалъ, но и внесъ въ свою записную тетрадь, такое же схоластическое упражненіе на текстъ изъ притчъ Соломона: («Послушайте меня, и блаженны тѣ, которые хранятъ пути мои» VIII, 32), въ которомъ ссылки на священное писаніе чередуются съ цитатами изъ классиковъ и Петрарки; Виргиліевское: *o fortunatos... agricolas* (Georg. II, v. 458—9) объясняется въ связи съ евангельской притчей о сѣятелѣ, какъ «мудрые», и предвосхищена одна изъ невѣроятныхъ греческихъ этимологій Боккаччо (эклога IV): *doris* = *amaritudo*. Еще одинъ шагъ, и учительное содержаніе измѣнится, *sermones* короля Роберта уступятъ мѣсто риторическимъ рѣчамъ на общія темы, въ родѣ многихъ посланій Петрарки, юношескихъ писемъ Боккаччо, стилистически развивающихъ извѣстное душевное настроеніе, и популярныхъ въ XV вѣкѣ политическихъ *dicerie*.

Такова была ученость короля Роберта; она обличала честное служеніе «небесному свѣту», сіяла на престолѣ, когда во Франціи короли были безграмотны¹⁾; онъ утверждалъ, что не колебался бы въ выборѣ между наукой (*litteras*) и царской властью²⁾; онъ привлекалъ, и не одно желаніе польстить Роберту побудило Петрарку подвергнуться у него предварительному испытанію, прежде чѣмъ принять вѣнецъ на Капитоліи. Робертъ внялъ предложенію благодушно и серьезно, въ такомъ же горделивомъ сознаніи своего права, съ какимъ предложилъ медицинскому факультету въ Неаполѣ испытаннаго имъ врача. Въ теченіе трехъ дней король и поэтъ красовались другъ передъ другомъ своей

1) De Casibus, посвяtitельное письмо.

2) Petrarca, *Rer. Mem.* I, II, с. 26.

ученостью, встрѣтились два самоиѣнія, средневѣковая энциклопедія состязалась съ наукой возрожденія; побѣдилъ Петрарка своей восторженной рѣчью объ искусствѣ и поэтахъ.

Боккаччо разсказалъ намъ объ этомъ диспутѣ со словъ Роберта: доблестный король, знаменитый философъ, изрядный знатокъ медицины и выдающійся богословъ своего времени, до шестидесяти шести лѣтъ пренебрегалъ Виргилиемъ, почитая его баснословомъ безъ всякаго содержанія, если не считать внѣшнія поэтическія прикрасы; когда же Петрарка раскрылъ ему тайное значеніе поэмъ, онъ пожурилъ себя, утверждая, какъ то самъ я слышалъ отъ него собственными ушами, что никогда и не подозревалъ, какой возвышенный смыслъ скрывается подъ забавной оболочкой поэтическихъ вымысловъ. Онъ искренне корилъ и себя и судьбу, что такъ поздно позналъ искусство поэзіи, и ни старость, ни сознаніе, что ему жить недолго, не помѣшали ему, отложивъ занятія болѣе видными науками (*splendendum facultatum*), отдаться чтенію Виргилія, дабы вполне уразумѣть его смыслъ. Лишь скорая смерть прервала занятія, которыя, безъ сомнѣнія, были бы во славу поэтовъ и на пользу итальянцевъ, предающихся этому занятію¹⁾. За то въ эпитафій Роберту Петрарка заставилъ плакать надъ нимъ семь осиротѣлыхъ свободныхъ искусствъ и даже девять — музъ.

Диспутъ Петрарки происходилъ въ мартѣ 1341 года. Боккаччо уже успѣлъ уѣхать изъ Неаполя. Незамѣтно для короля-философа, вблизи придворныхъ сферъ, успѣлъ сложиться другой поэтъ возрожденія, и его руководителями были люди изъ ученаго кружка того же Роберта.

Боккаччо зналъ его уже богословомъ и королемъ «отъ назиданій», но позади лежали другіе годы, когда во дворцѣ Кастельнуово знали и празднества, и веселье, и любовь. Подобно отцу и дѣду, Робертъ продолжалъ строиться въ Кастельнуово: предприняты были передѣлки въ залѣ для пировъ, расписаны

1) Gen. Deor. XIV, 22, біографія Петрарки, написанная Боккаччо; сл. Petrarca, Rer. Mem. I. c.

капеллы, украшены дворцовые сады; въ томъ, что прилегалъ къ морю, посажены были фазаны и другія птицы, вырыты гроты для ланей и кроликовъ, устроены фонтаны, бесѣдки и насажены тѣнистыя деревья. Боккаччо описалъ этотъ садъ въ своемъ первомъ романѣ (*Filocolo*): онъ находился не вдалекѣ за городскими стѣнами, къ той сторонѣ, гдѣ поконится прахъ величайшаго изъ поэтовъ, Марона, и авторъ представляетъ себѣ подъ его сѣнью веселое общество, среди котораго царитъ «дочь великаго правителя, подъ чьимъ скипетромъ мирно пребываютъ эти области»: предметъ его страсти, Марія-Фьямметта.

Это имя переноситъ насъ къ первымъ годамъ Роберта. Не задолго до своего вѣнчанія на царство или вскорѣ послѣ того (13 ноября 1310 года) онъ устроилъ въ Кастельнуово великое празднество для своихъ приближенныхъ, и для большей торжественности самъ явился въ царственномъ одѣяніи. «Когда, рассказываетъ Боккаччо, серебряные сосуды предлагали обильныя яства, золотые чеканные—дорогія вина, королевскіе покои полны были родовитыхъ юношей-прислужниковъ, а разнообразные мелодическіе звуки заставляли содрогаться сіяющій покой», король, прохаживаясь и бросая влюбленные взгляды на ту и другую даму, увлекся одной изъ нихъ, французенкой, женой графа изъ дома Аквино, занимавшаго не малую должность при дворѣ. Потомъ онъ часто видѣлъ ее и все болѣе увлекался; однажды, когда она явилась къ нему, чтобы испросить у него какой-то милости, онъ «завлекъ ее въ свои сѣти», и она стала матерью Маріи¹⁾.

Это любовное похождение Роберта было не единственнымъ; со второй своей женой, Санціей, дочерью короля Майорки, святошей и неплодной, онъ на столько не ладилъ, что въ 1317 году она обращалась къ папѣ Іоанну XXII съ просьбой развести ее съ мужемъ, а ей позволить постричься. Папа удерживалъ ее отъ этого «дьявольскаго искушенія», увѣщевая ее быть терпѣливой и любовной, дабы ея мужъ еще болѣе не разнузданъ и у нихъ

1) *Ameto*, стр. 142 слѣд.; *Filocolo*. I, стр. 4 слѣд.

пошли-бы дѣти. Увѣщаніе не помогло; не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ перваго, какъ папа поставленъ былъ въ необходимость обратиться къ самому королю: не только общая молва, но и очевидность говоритъ о тебѣ, любезнѣйшій сынъ, что хотя изъ всѣхъ католическихъ властителей міра ты наиболѣе богатъ знаніемъ и отлично одаренъ природнымъ умомъ, одно ты исключашъ изъ своихъ царственныхъ соображеній, ибо неопытныхъ юношей, низкихъ духомъ и родомъ, не умѣющихъ, по недостатку знанія и прилежанія, управлять собою, ты приблизилъ къ себѣ, неразумно вступивъ на путь Ровоама.

Но пути Ровоама ожидали Роберта въ другомъ мѣстѣ; онъ не совратился на нихъ — благодаря своей діалектикѣ.

У анжуйскаго дома были старинныя связи съ братіей св. Франциска; ударившись въ религіозность, Санція учредила обитель этого ордена рядомъ съ храмомъ св. Клары, основаннымъ ею и ея мужемъ. Броженіе, начавшееся въ средѣ ордена тотчасъ по смерти его основателя, продолжалось, и вопросъ о болѣе или менѣе широкомъ соблюденіи монашескаго устава грозилъ разростись въ общецерковный. Образовались партіи; положеніе, выставленное крайними изъ францисканцевъ, что ни у Христа, ни у апостоловъ не было собственности, касалось не только иноческаго обѣта нищеты, но и имущественныхъ и свѣтскихъ отношеній церкви. Онъ шелъ въ руку сторонникамъ Людовика Баварскаго, въ церкви онъ вызвалъ смуту. Булла папы Іоанна XXII отъ 23 января 1318 года объявила еретическимъ мнѣніе, будто существуютъ двѣ церкви, одна плотская, удрученная богатствами, погрязшая въ утѣхахъ, запятнанная грѣхами, т. е., церковь папы, другая духовная, препоясанная бѣдностью. Пока инквизиція работала, сомнѣнія объ еретическомъ характерѣ новаго ученія «братцевъ» (*fraticelli*) поднимались въ средѣ вѣрующихъ и доминиканцы спорили о томъ съ францисканцами. Въ 1322 году, на съѣздѣ въ Перуджіи, провинціалы францисканскаго ордена подъ предсѣдательствомъ своего генерала, фра Микеле изъ Чезены, положили, что ученіе о томъ, что у Христа и апостоловъ не было

никакой собственности, ни общаго владѣнія, ничуть не противорѣчить здоровымъ началамъ католической церкви. Борьба обострилась, и фра Микеле перешелъ на сторону императора, обвинивъ въ ереси самого папу.

Какъ глава гвельфовъ и преданный сынъ церкви, Робертъ долженъ былъ бы отнестись отрицательно къ доктринѣ, осужденной римской куріей и благопріятной Людовику Баварскому. Тѣмъ неожиданнѣе то, что совершается теперь при дворѣ: Робертъ является защитникомъ фра Микеле, противъ котораго возбуждено было преслѣдованіе, извиняетъ, что тотъ не явился по вызову папы, ибо заболѣлъ, и самъ король посылалъ къ нему въ Тоди своего врача. Когда въ Неаполѣ поднялся процессъ противъ францисканской ереси, оказалось, что Андрей Гальяно, капелланъ короля, не только зараженъ ею, но и писалъ въ духѣ, несогласномъ съ воззрѣніями папы; что самъ король подпалъ влиянію Петра Каденета, по поводу котораго писалъ прежде папѣ, прося его удалить отъ королевы этого монаха, сѣющаго плевелы ереси. Побѣжденная, Санція отомстила: король, какъ и она, покровительствуетъ подъ рукою гонимымъ «братцамъ», братья королевы, Филиппъ, склоняется къ ихъ толку; и Робертъ, и Санція задерживаютъ папскія посланія къ инквизиторамъ; защищая Андрея Гальяно, король, въ письмѣ къ папѣ, не отрицаетъ открыто, что онъ писалъ въ защиту ереси, а говоритъ только, что онъ не изрекъ ничего, противнаго католической вѣрѣ, уваженію къ церкви и доброй нравственности.

Все это могло быть въ Робертѣ дѣломъ убѣжденія, вліянія клерикальнаго кружка, но приводило его, гвельфа и паписта, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Дѣло рѣшилъ король-богословъ, какъ и въ преніи съ Петраркой торжествовало самомнѣіе короля-философа. Робертъ пишетъ трактатъ «о евангельской нищетѣ апостоловъ и ихъ нарочитыхъ послѣдователей» (*de apostolorum ac eos prescripue imitantium evangelica paupertate*), который поворачиваетъ на усмотрѣніе и исправленіе святѣйшаго папскаго престола. Онъ обѣщаетъ быть краткимъ, не вполне исчерпать истину,

разбираетъ вопросъ о нестяжаніи и вольной нищетѣ у древнихъ, цитуетъ Валерія Максима, Сенеку, Іоанна Златоуста, contra Iovinianum, Сократа (*Socrates ille Tebarius?*) и легендарнаго философа Секунда, и, переходя на христіанскую почву, обѣщаетъ пользоваться священнымъ писаніемъ и твореніями святыхъ отцевъ болѣе, чѣмъ филологическими аргументами (*filologicis illationibus?*). Вопросъ объ апостольской бѣдности ведетъ къ другому: объ общности владѣнія у древнихъ, объ общинѣ женъ у нѣкоторыхъ народовъ, наконецъ, объ общинной собственности духовныхъ братствъ. Бѣдность опредѣляется, какъ всецѣлое отсутствіе земныхъ благъ, согласно съ словами Спасителя: если хочешь быть совершенъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ (Матѣ. XIX, 21); этому должны послѣдовать всѣ, произнесшіе обѣтъ нищеты. Съ другой стороны, мы знаемъ изъ исторіи древней христіанской церкви, что вѣрующіе продавали свое имущество и полученное повергали къ ногамъ апостоловъ, для раздачи всѣмъ. Если нѣчто раздавалось, то было, стало быть, нѣчто въ общей собственности? Какъ помирить ее съ ея евангельскимъ отрицаніемъ? Различеніемъ владѣнія, собственности, отъ пользованія ею; это должно оправдать имущество духовенства (за исключеніемъ произнесшихъ обѣтъ нищеты) и церкви: церковь не владѣетъ, а управляетъ собственностью и даромъ Константина во имя всѣхъ вѣрующихъ и на пользу имъ, какъ и у Христа и апостоловъ не было имущества, а лишь его узупруктъ.

Такъ рѣшался теоретически вопросъ, оставшійся на практикѣ по прежнему открытымъ для всякаго, кто пожелалъ бы опредѣлить границы владѣнія и узупрукта. Рѣшеніе вовсе не оригинальное, какъ полагаетъ профессоръ Сирагуза, оригиналенъ развѣ ученый скарбъ, которымъ обставленъ вопросъ о собственности и пользованіи. Къ этому казуистическому различенію не разъ прибѣгали въ теченіе францисканскаго спора: его можно встрѣтить у Данте (*De Monarchia*, III, 10); Оливи пытался даже ограничить широкую идею пользованія требованіемъ одного лишь

необходимаго: *pauper usus* это тотъ, при которомъ человѣкъ кажется скорѣе бѣднымъ, чѣмъ богатымъ, и ближе къ нищетѣ, чѣмъ къ благосостоянію. Едва ли такое рѣшеніе кого нибудь удовлетворило; Робертъ былъ, очевидно, доволенъ своимъ: онъ повергаетъ на судъ новое свое писаніе, напередъ готовый повиноваться, но если бы кто нибудь, кромѣ папы, вздумалъ взвести хулу на его ученіе, да будетъ онъ сочтенъ невѣрующимъ, ненавистникомъ, не католикомъ, а еретикомъ.

Самъ Робертъ стоялъ выше подозрѣній въ ереси; человѣкъ благочестивый, онъ съ годами становился религіонистомъ. По смерти сына, единственнаго наслѣдника, унесеннаго въ 1328 году маляріей, его характеръ замѣтно мѣняется: пораженный неожиданной утратой, онъ какъ-то сосредоточился, уходя въ науку и благочестіе; монахи и святые мужи и жены чаще навѣдываются въ Кастельнуово; подъ вліяніемъ этого набожнаго настроенія или, какъ говорятъ, во искупленіе грѣховъ сына, Робертъ велѣлъ заново украсить обѣ дворцовыя капеллы, для чего вызванъ былъ изъ Флоренціи Джьотто. Не щедрый по природѣ, онъ начинаетъ теперь копить и скряжничать, его казна въ одной изъ башенъ Кастельнуово стала легендарной ¹⁾. Боккаччо рассказываетъ о флорентійскомъ скульпторѣ Буонаккорсо, также вызванномъ королемъ, что когда тотчасъ по пріѣздѣ его потребовали къ нему, какъ онъ былъ, въ дорожныхъ сапогахъ и при шпорахъ, тотъ спросилъ его о стоимости нѣкоторыхъ работъ, относящихся до его искусства. Буонаккорсо отвѣчалъ скромно, но не безъ негодованія, и лишь только вышелъ изъ дворца, сѣлъ на коня и поѣхалъ обратно домой, ибо полагалъ, что его потребовали не къ королю, а къ торгашу ²⁾.

Лишь въ 1333 году, когда праздновалась помолвка малолѣтней внучки короля, Джьованны, съ малолѣтнимъ же троюроднымъ ея братомъ Андреемъ венгерскимъ, Кастельнуово снова увидѣлъ пиры и веселье. Робертъ былъ доволенъ: бракъ, заклю-

1) Баллада на пораженіе при Montecatini; *Amor. Visione* с. 14.

2) Письмо къ Нелли у Corazzini, стр. 147.

ченный имъ по политическимъ расчетамъ и разыгравшійся такъ трагически, казалось, обезпечивалъ престолъ за его родомъ. Вернулись старыя привычки: король по-прежнему забавляется въ своемъ саду стрѣльбой изъ лука, обсуждая и рѣшая въ промежуткахъ государственныя дѣла¹⁾; тѣшится скоморохами и моряками, скачущими на апулійскій ладъ. Но старѣясь, онъ впадаетъ въ ригоризмъ: его указъ 1335 года, повторяющій запреты многихъ предыдущихъ, направленъ противъ нѣкоторыхъ новшествъ въ костюмахъ и нравахъ, указъ 1339—1340 гг. — противъ тѣхъ, кто похищаетъ и насильно обнимаетъ дѣвушекъ. Первый заслуживаетъ особаго вниманія: въ Неаполѣ, особенно среди молодежи, завелись новые нравы, разныя привычки, кривлявыя тѣлодвиженія, рассчитанныя на то, чтобы обратить вниманіе. Вытянувъ голову, съ нечесанными волосами и отпущенной бородой, скрывавшей большую часть лица, болѣе страшные, чѣмъ привлекательные на видъ, эти люди укоротили до ягодицъ платье, бывало, доходившее до колѣнъ; ходятъ въ обтяжку, показывая, что показывать было бы стыдно: худые — свои поджарые мускулы, толстяки — одутый животъ. Они разучились и верхомъ ѣздить, и носить оружіе: сидятъ на лошади бокомъ, правятъ обѣими руками, отправляясь на войну не защищаютъ отъ ударовъ ни грудь, ни плечи. Какъ въ этомъ они уподобляются женщинамъ, такъ длинной бородой арабскимъ анахоретамъ и философамъ; какіе гости заводятся въ грязныхъ волосахъ — про то знаютъ ихъ товарищи и господа, за которыми они ходятъ. Старики не лучше молодыхъ: имъ бы слѣдовало подавать примѣръ, а они первые увлекаются недостойными новшествами. — И Робертъ цитовалъ священное писаніе и приводилъ изъ второй книги Маккавеевъ изреченіе противъ тѣхъ, кто отечественной славѣ предпочиталъ похвальбу славою греческой.

Это заключеніе не совсѣмъ неожиданно: новшества, какъ внѣшность, могли быть навѣяны французской модой, но они вы-

1) Petrarca, *Rer. Mem.* I, 1, 8.

ражали естественный ростъ общества, въ сложеніи котораго участвовали гораздо болѣе зрѣлые элементы, чѣмъ французскій. Робертъ, когда-то противникъ классической поэзіи, видимо сдавшійся Петраркѣ, угадалъ одинъ изъ источниковъ явленія, пугавшаго его ригоризмъ: греческая, античная слава противопоставляется родной, какъ на турнирѣ, описанномъ Боккаччо, Памфило сравниваетъ побѣдителей съ героями Гомера и Виргилія, а неаполитанскіе аристократы скупали въ Римѣ произведенія древней скульптуры и архитектуры для украшеній своихъ дворцовъ.

Указъ короля, всюду прибытый и грозившій наказаніемъ ослушникамъ, не произвелъ никакого впечатлѣнія. Пока Робертъ и Санція старѣлись въ благочестіи, жизнь шла своимъ чередомъ: вблизи двора молодая знать веселилась, собираясь для фривольныхъ, но и вдумчивыхъ бесѣдъ, которыя Боккаччо изобразилъ въ своей Діанной охотѣ и эпизодахъ Филоколо; вокругъ Кадельнуово, на сосѣдней площади delle Correggie, у новаго порта кишѣло народомъ: моряки и рабочіе, банкиры изъ Флоренціи и Лукки, купцы, привозившіе гентскія сукна, бѣлыя татарскія шали, шитыя золотомъ, золотыя и серебряныя издѣлія; шарлатаны и мелкіе торговцы, греки на службѣ у Екатерины де Куртнэ, болгарскіе наемники эпирской деспины Анны, — все это галдѣло, спорило, веселилось; уличный гамъ такъ тревожилъ Санцію, погруженную въ благочестивыя размышленія, что пришлось прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Женщины вольваго поведенія жили тутъ же: улица Мальпертуджіо, мѣсто дѣйствія одной новеллы Декамерона (II, 5), находилась у порта, недалеко отъ Каталонской улицы, названной такъ потому, что тамъ селились каталонскіе купцы. Боккаччо подслушалъ разговоръ на мѣстѣ (въ основѣ его лежитъ слѣдственное дѣло)¹⁾, новелла подсказывалась ему на улицѣ, въ садахъ Кадельнуово, въ кружкахъ, возбужденныхъ вопросомъ объ апостольской нищетѣ, который жизнь не спѣшила разрѣшить къ соблазну не однихъ только вѣрующихъ. Когда-то

1) Архивное сообщеніе проф. De Blasiis.

въ подземной церкви Ассизи Джьотто († 1336 г.) идеализовалъ нищету: красивая, исхудалая, въ лохмотьяхъ и босая, она идетъ по терніямъ, собака лаетъ на нее сзади, мальчишка бросаетъ въ нее камнями, другой палкой подвигаетъ колючки къ ея ногамъ, а она протягиваетъ руку св. Франциску, и Христосъ благословляетъ ихъ бракъ. И у Боккаччо¹⁾ можно встрѣтить такую же, но гуманистическую идеализацію нищеты: она гонитъ отъ чловѣка соблазны и любовь, дѣлаетъ его твердымъ и невозмутимымъ въ мірскихъ дѣлахъ, поощряетъ къ похвальнымъ занятіямъ. Это были золотые сны гуманиста, которыми онъ старался успокоить обманутыя надежды на обезпеченность²⁾. Но дѣйствительность назойливо была въ глаза, прогоняя грезы. У Биндо Бонини († 1338 г.) порицаніе любостыжанія соединено съ протестомъ противъ добровольной нищеты: она мѣшаетъ помогать другимъ, дѣлать добро; благо — въ золотой серединѣ³⁾; это тѣ же и идеи, что у Франческо да Барберино⁴⁾. Въ единственномъ дошедшемъ до насъ стихотвореніи Джьотто бѣдность далеко не польщена. Многіе прославляютъ добровольную нищету и защищаютъ ее авторитетами, говоритъ поэтъ, но я не съ ними, ибо всякая крайность вредна. Обѣтъ нищеты, произнесенный противъ воли, открываетъ путь порокамъ; не хвалю я соблюденіе ея и по избранію, ибо постыдно называть добродѣтелью то, что отрицаетъ всякое совершенствованіе (великое дѣло нищета, но выше ея самосохраненіе, сказано въ буллѣ Іоанна XXII отъ апрѣля 1317 года). Ты скажешь, что Спаситель ее одобрилъ, но Его слова заключаютъ въ себѣ тайный, иногда двойственный, смыслъ; открой глаза и ты увидишь, что они соотвѣтствуютъ Его святой жизни, научая насъ помогать другимъ, какъ и самъ Онъ, владѣя не многими, помогъ намъ спастись — отъ любостыжанія. Тѣ же, которые хвалятъ нищету, живутъ не спокойно, а какъ

1) De Casibus I, 15; сл. III, 1, 17, 18; VIII, 17; Gen. Deor. XIV, 4.

2) Amor. Vis. c. XIV, въ концѣ.

3) Canz. I; сл. VIII и XV.

4) Documenti d'Amore, P. II, Doc. V, Reg. LXVII.

жадные волки, хватаются за добычу подъ покровомъ овечьей шкуры; отъ ханжества растлѣвается міръ. — И Боккаччо вторилъ тому въ своей характеристикѣ монаховъ, которые «не стыдятся являться тучными, съ цвѣтушимъ лицомъ, изнѣженные въ платьяхъ и во всемъ остальномъ; выступаютъ не какъ голуби, а гордо, какъ пѣтухи, поднявъ гребень и выпятивъ грудь; не stanno говорить о томъ, что ихъ кельи полны баночекъ съ разными мазями и притираниями, коробокъ съ разными мастями, стклянокъ и пузырьковъ съ пахучими водами и маслами, кувшиновъ, переполненныхъ мальвазіей, греческимъ и другими дорогими винами, такъ что, глядя, кажется, это не монашескія кельи, а москательныя и парфюмерныя лавки. Хуже того: имъ не въ стыдъ, если другіе знаютъ, что у нихъ подагра, и они воображаютъ, будто другіе не вѣдаютъ и не понимаютъ, что великіе посты, простая и въ небольшомъ количествѣ употребленная пища и умѣренная жизнь дѣлаютъ людей худыми и тощими и большею частью здоровыми, а если и заставляютъ ихъ заболѣвать, то, по крайней мѣрѣ, они болѣютъ не подагрой, противъ которой совѣтуютъ обыкновенно, какъ средство, цѣломудріе и все другое, пристойное жизни скромнаго монаха. И они воображаютъ еще, будто другіе не знаютъ, что кромѣ воздержной жизни, долгія бдѣнія и молитвы и бичеванія, по необходимости, дѣлаютъ людей блѣдными и жалкими, и что ни св. Доминикъ, ни св. Францискъ не имѣли по четыре рясы на человѣка и одѣвались не въ цвѣтныя и другія тонкія сукна, а въ рясы изъ грубой шерсти и естественнаго цвѣта, чтобы укрываться отъ холода, а не красоваться. Обо всемъ этомъ да промыслить Господь, согласно съ духовными нуждами тѣхъ простецовъ, которые ихъ кормятъ» (Дек. VII, 3).

Король-книжечій уже промыслилъ объ этомъ—своей теоріей узуфрукта.

Интересный типъ, который я назвалъ бы переходнымъ, если бы любой историческій фактъ не подходилъ подъ это опредѣленіе. Робертъ и Карлъ IV подаютъ другъ другу руки. Оба серьезно преданы вопросамъ знанія, но ихъ цензъ средневѣковой,

образовательное настроеніе діалектически-богословское: Карлъ IV такъ же любитъ поспорить съ учеными людьми, такъ же пишетъ свои *Moralitates* и оставилъ проповѣдь на евангельскій стихъ: Подобно царство небесное сокровищу (Матв. 13—44), въ стилѣ Робертовыхъ *sermones*. — а Петрарка толкуетъ имъ о поэзіи, о славѣ римскаго имени. Оба—политики скопидомы, вотчинники, а ихъ стараются увлечь идеаломъ единой Италіи и римской имперіи. Не мудрено, что Петрарка могъ вчитывать въ нихъ свои убѣжденія и мечты, удивительно, что такіе трезвые, разсудительные люди увлекаются имъ въ свою очередь, зовутъ его къ себѣ, что имъ любы его восторженные рѣчи, его культъ славы и политическія грезы. Имъ чужалось въ нихъ нѣчто новое, поднимающее при всей своей неопредѣленности, обаятельное своей несбыточностью. Это — поэзія гуманизма задѣла ихъ своимъ крыломъ.

V.

Центрами элегантнои жизни вблизи королевскаго двора были двѣ французенки, невѣстки короля. Агнеса Перигорская, вышедшая въ 1321 году замужъ за Джованни ди Дураццо, уже вдовца, воспиталась при дворѣ матери, извѣстной Брунниссенды де Фуа, въ преданіяхъ свѣтскости и блеска. По смерти мужа (въ 1335 году) она осталась съ тремя дѣтьми, главою дома Дураццо, еще молодая, полная жизни и жажды удовольствій. Боккаччо могъ видѣть ее мальчикомъ, во Флоренціи, куда она пріѣзжала вмѣстѣ съ Карломъ Калабрійскимъ; въ своемъ *Любовномъ Видѣніи* онъ описываетъ ее красавицей; въ одномъ эпизодѣ его перваго романа, *Филоколо*, гдѣ аллегорія и анаграмматическое извращеніе имени (Асенга) позволяли ему быть откровеннѣе, она — одна изъ четырехъ нимфъ, которыя, опьяненные жаромъ и виномъ, кичатся своею красотою и любовными похождениями и кощунствуютъ надъ богами, а боги наказываютъ ихъ превращеніемъ—въ стилѣ Овидіевыхъ метаморфозъ.